

П. П. Толочко

ГОРОД И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОКРУГА НА РУСИ В IX-XIII вв.

Одним из важнейших достижений советской историографии в изучении древнерусского города явилось определение его как составной части феодализма, как звена в системе феодальных производственных отношений¹. Вместе с тем во многих работах, в первую очередь археологических, наблюдается тенденция не слишком корректного приложения известного марксистского тезиса о противоположности города — центра ремесла и торговли и деревни — средоточия сельскохозяйственного производства.

Исходя из убеждения, что «древнерусский город» и «центр ремесла и торговли» понятия суть тождественные, исследователи ищут экономическое начало городов исключительно в ремесле и торговле.

Вывод о том, что древнерусские города были центрами ремесла и торговли не может быть оспорен. Его справедливость подтверждают археологические раскопки, выявляющие отчетливые следы ремесленной и торговой деятельности горожан. Но из этого вовсе не следует, что эти отрасли экономики определяли хозяйственное развитие городов.

Ремесло и торговля в IX—XIII вв., которым, как правило, уделяется главное внимание, находились на начальной стадии отделения от сельского хозяйства и не могли создать необходимый прибавочный продукт для успешного развития городских форм жизни. Такой, несомненно, создавался в сфере сельскохозяйственного производства.

В последнее время наметилась (точнее, возродилась) тенденция рассматривать город не только с точки зрения отличия его от деревни, но и в опре-

деленном формационном единстве с ней². Будучи порождением сельскохозяйственной стихии (даже для его образования необходимо наличие некоторого излишка сельскохозяйственной продукции), древнерусский город по своей природе был феодальным. С породившей его земледельческой округой он был связан тысячами зримых и незримых нитей. Для нее он был естественным хозяйственным, административно-политическим и культурным центром.

Следовательно, правильное понимание социально-экономической природы древнерусского города во многом зависит от знания хозяйственной структуры округа, ее экономического и демографического потенциала, природных условий.

К. Маркс в качестве общей черты формирующихся городских центров выделял их аграрный характер. Древнерусские города не представляли в этом плане исключения. И. Я. Фроянов считает даже возможным проводить здесь параллель с античностью, где первоначальные греческие полисы также имели земледельческий характер, а среди населения городов было много земледельцев³.

Еще более близкие аналогии наблюдаются в византийской истории VIII—IX вв. М. Я. Сюзюмов полагал, что основная масса товарного производства в раннесредневековой Византии состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров, из продукции земледелия и скотоводства. Вино, оливковое масло, хлеб, мясо, рыба, мед, воск, соль — вот те предметы, которые составляли основу товаро-денежного обращения в раннем средне-

вековье. Их производством занимались жители городов, а наличие подгородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, являлось самой характерной чертой средневекового города как экономического центра⁴. Наличие мелких городов сельского типа отмечают исследователи также и в средневековой Германии⁵.

Анализ письменных и археологических источников показывает, что непосредственная связь с сельскохозяйственным производством характеризовала экономическую жизнь практически всех древнерусских городов независимо от их иерархии, хотя уровень этой связи был различным. Наиболее ярко выраженной аграрность была так называемых малых городов. Важное свидетельство в пользу сказанного содержится в известном обращении княгини Ольги в 945 г. к осажденным жителям Искоростеня: «Все грады ваши предашася инь, и ялися по дань, и дьлають нивы своя и земля своя»⁶.

Мы не располагаем аналогичными свидетельствами более позднего времени, однако археологические материалы, происходящие из раскопок городищенских центров, не дают оснований утверждать, что в XI—XIII вв. положение коренным образом изменилось. Обнаруживаемые в большом количестве орудия сельскохозяйственного производства — косы, серпы, наральники, чересла, лопаты, ножницы для стрижки овец, топоры и др. указывают на то, что производственная база этих городов находилась за пределами их стен. Наиболее яркий пример такого рода демонстрирует Изяславль. Раскопками экспедиции М. К. Каргера выявлено на его детинце (3,5 га) и посадке огромное количество (около 1000) орудий сельскохозяйственного производства, характеризующих весь цикл работ древних земледельцев. Это лемеха трех типов, чересла, косы-горбушки, серпы, оковки лопат, каменные жернова. Их конструктивные особенности, как считает М. А. Миролубов, указывают на высокий уровень агрикультуры, достигнутой Киевской Русью во второй половине XII — начале XIII в.⁷

«Нивы свои и земли свои» обрабаты-

вали и жители более крупных городских центров Руси, в том числе княжеских. Примером этого может служить Белгород, площадь укрепленной части которого достигает 100 га. Многолетние раскопки, выявившие следы керамического и кузнечного производства, не указывают, тем не менее, на ремесленный или ремесленно-торговый характер этого города. В свое время нами было высказано предположение, что Белгород, как и некоторые другие пригороды Киева, был центром сельскохозяйственного производства, продукция которого поставлялась столице Руси. Значительные запасы ее должны были концентрироваться и в самом Белгороде на случай длительной осады его неприятелем, причем в расчете на питание не только гарнизона и жителей, но и на многотысячное войско, которое нередко оказывалось в пределах белгородских укреплений⁸. Дополнительные аргументы в пользу высказанной мысли получены недавно в исследованиях палеогеографов. Реконструкция палеоботанической ситуации Среднего Поднепровья в эпоху средневековья показала, что Белгород, занимая стратегически выгодное для обороны Киева место, находился на окраине огромного массива плодородных черноземных почв. Мы еще недостаточно хорошо знаем характер и плотность заселенности этого района в эпоху Киевской Руси, но не подлежит сомнению, что он принадлежал к числу древних и развитых очагов земледелия. Его естественным хозяйственным центром стал княжеский Белгород.

Изучение материалов IX—XI вв., выявленных раскопками Ладоги, привело в свое время В. И. Равдоникаса к выводу, что ладожане выступают перед нами прежде всего как земледельцы, как сельские хозяева, обитавшие в жилых гнездах-дворах, приспособленных к задачам сельского индивидуального хозяйства. Основными элементами таких дворов были небольшой дом, хлев или крытый двор для скота, постройки для хранения запасов⁹.

Письменные свидетельства и археологические источники указывают на непосредственную связь с сельским хо-

зяйством даже крупнейших городов Древней Руси. О существовании вокруг Киева земельных угодий, обрабатываемых горожанами, говорится в Ипатьевской летописи, а также в Печерском Патерике¹⁰.

Участки для возделывания овощных растений находились, вероятно, не только в пределах церковных или монастырских усадеб, как об этом пишется в Патерике, но и крупных городских, а также на свободных от застройки площадях. Наблюдения над материалами археологических раскопок Новгорода позволили А. В. Кирьянову прийти к выводу, что его жители в X—XIII вв. занимались земледелием, их пахотные земли располагались в непосредственной близости от городской черты, а огороды находились в пределах городских усадеб¹¹.

Распространенными находками при раскопках крупнейших городов Руси — Киева, Новгорода, Галича, Чернигова и других — являются орудия обработки почвы и уборки урожая: нарральники, лемеха, сошники, косы, серпы, оковки лопат. Они указывают на непосредственную связь горожан с сельскохозяйственным производством. В Новгороде за годы его археологического изучения обнаружено 62 лопаты, 110 деревянных граблей, 126 железных кос-горбуш, 8 вил, 23 сошника, 19 серпов¹².

Значительным был удельный вес в хозяйстве жителей городов животноводства. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют раскопки усадеб Новгорода, выявившие отчетливые следы присутствия почти на каждой из них домашнего скота, а также Киева, где все исследованные на Подоле усадьбы имели хозяйственные сооружения типа хлебов, конюшен. В летнее время городское стадо выпасалось на окрестных лугах. В Киеве таковые находились в районе летописной Оболони, сразу же за подольскими укреплениями. Не случайно именно в этой части города в языческое время находилось капище Валеса — скотьего бога. В позднее средневековье улица, ведущая к оболонским лугам, называлась Волошкой (от языческого капища) или Скотопрогонной (потому, что по ней городской

скот прогонялся на пастбище). Своеобразной компенсацией отсутствия прямых письменных свидетельств древнерусского периода о занятии горожан животноводством являются грамоты XIV—XV вв. Так, в послании короля Казимира 1481 г. крымскому хану Менгли-Гирею указывается, что монголо-татары захватили под Киевом «стадо мящанское» и 800 коней¹³. Грамотой князя Александра от 1494 г. запрещалось отбирать у горожан домашних животных: «коней и животины и овец и свиней по киевским дворам не згоняти»¹⁴.

Анализ источников, указывающих на непосредственную связь жителей древнерусских городов, подтверждает справедливость вывода Ф. Энгельса о том, что средневековый городской ремесленник был в известной степени крестьянином, имел не только огород и сад, но «очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»¹⁵

Выяснение места в экономике древнерусского города его непосредственной связи с сельским хозяйством — важный, но не главный аспект проблемы. Более существенным является определение характера взаимодействия города с земледельческой округой, его роли в формировании земельной ренты. «В средние века, — писал К. Маркс, — деревня эксплуатирует город политически..., город повсюду и без исключения эксплуатирует деревню экономически»¹⁶. До сих пор характер экономической эксплуатации древнерусской деревни, а также ее место в развитии города остаются мало изученными. Между тем выяснение этих вопросов имеет ключевое значение для объяснения феномена необычайно бурного развития городских форм жизни на Руси.

Большинство древнерусских городов возникло в центрах густо заселенных земледельческих регионов. Изначальной и характерной особенностью городов была концентрация в них феодальной знати (князья, бояре, богатые дружинники, высшее духовенство), тесно связанной с сельскохозяйственной округой. На ранних этапах связь эта осуществлялась посредством ее участия в цент-

рализованном отчуждении и перераспределении прибавочного продукта, позднее — посредством эксплуатации крестьянского труда на правах земельных собственников. И в том и в другом случае прибавочный продукт, создаваемый в деревне, перемещался в город. Победив древлян, Ольга «взложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третя Вишегороду к Ользь»¹⁷. Практика распределения даней по городам ко времени правления Ольги уже имела длительную историю. Достаточно вспомнить, что русские города выступали дольщиками и в получении дани с побежденной Византии¹⁸. Дань, собираемая в Новгородской земле, вплоть до 1015 г. распределялась между Киевом (две тысячи гривен) и Новгородом (одна тысяча гривен).

Разумеется, забота государственной власти о благополучии городов носила не абстрактный, а вполне конкретный характер. Уклады византийские определялись городам потому, что там «сядяху велиции князи, подь Олгомь суще». Дань на Вышгород учреждалась оттого, что это был «град Вользинь». Доля, причитавшаяся Новгороду, распределялась между гридями, то есть новгородской дружинной знатью.

Начиная с X в. на Руси активно проходил процесс формирования феодальной вотчины — сначала княжеской, а затем и боярской. Значительная часть земель, принадлежавшая ранее общинам, оказалась в руках феодалов. Русь покрылась густой сетью замков, ставших административно-хозяйственными центрами феодальных владений. Однако в отличие от Западной и Северной Европы древнерусские феодалы не оставили городов и не переселились в свои сельские поместья — замки. В Северной Руси, как показывает пример Новгорода¹⁹, вся земельская знать сосредоточивалась исключительно в городах, в Южной — преимущественно в городах (может быть, и в городах, и в в сельских усадьбах). Древнерусский город, согласно справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем²⁰.

В этом отношении древнерусские города напоминали городские центры средневековой Италии, Южной Франции, Испании, унаследовавшие традиции античной городской культуры. Даже в периоды упадка их не оставляла феодальная знать²¹. Характерно, что, как и в Средиземноморском регионе, на Руси крупнейшими были те города, в которых проживало большое число феодалов, то есть, те, источниками существования которых были не столько ремесло и торговля, сколько сельскохозяйственное производство округи.

Богатейшими людьми русских городов были князья, являвшиеся одновременно верховными собственниками земли и крупнейшими землевладельцами. Уже в X в. происходит процесс формирования великокняжеской вотчины, или доминиальных владений. После похода Ольги 946 г. в древлянской земле, как справедливо полагает О. М. Рапов, произошел переворот в поземельных отношениях. Местные старейшины-землевладельцы были лишены своих держаний, и, вероятно, заменены администрацией Ольги. В древлянской земле возникли великокняжеские домениальные владения²². Летописная статья 996 г., рассказывающая о завершении строительства Десятинной церкви, не оставляет сомнения в том, что великокняжеский домен к этому времени вполне определился. «И помолившюся ему, рекъ (Владимир.— П. Т.) сице: «Даю церкви сей святъй Богородице отъ имънъя моего и отъ градъ моихъ десятую часть»²³.

Видимо, уже в конце X в. началось формирование домениальных владений удельных князей. Этому способствовала административная реформа Владимира, в результате которой крупнейшие древнерусские земли были переданы в управление его сыновьям. Держания эти были, конечно, условными, они могли быть отобраны или изменены великим киевским князем в любой момент, но порождали отчинные претензии. На первых порах реализованы они были, вероятно, только Полоцком. Отданный Владимиром Святославичем сыну Изяславу, он надолго закрепляется за его родом. После Любечского съезда

(1097 г.) отчинное право было распространено на Чернигов, Владимир, Перемышль и другие города. Известное положение съезда «каждо да держить отчину свою»²⁴ указывает не на начало княжеско-вотчинного порядка на Руси, а на его юридическое закрепление, признание незыблемости отеческих наследий.

В реальной жизни все обстояло значительно сложнее. Вотчинным правом на владение землей пользовались лишь те князья, к которым переходила от отца власть — княжеский стол. Изгои, лишившиеся столов, теряли не только власть, но и волость. Следовательно, домениальные владения на Руси представляли собой определенные сельскохозяйственные округа, закрепленные не столько за княжеским родом, сколько за княжеским столом, в конечном счете — за городом. В известном проекте Романа Мстиславича федеративного устройства Древней Руси указывается, что великий князь, избранный на киевский престол, должен был наделить младших своих сыновей волостями «в Русской земли от Горыни и за Днепр, сколько городов издревле Киеву принадлежало»²⁵. Все летописные свидетельства, рассказывающие о передаче городов князьям, означают передачу им и земель — волостей.

Размеры земельной ренты, получаемой князьями, были весьма значительны. Только десятой доли доходов от домениальных владений Владимира Святославича оказалось достаточно, чтобы построить и содержать один из крупнейших храмов Руси — Десятинную церковь. Концентрация княжеских даней Левобережья в Чернигове после известного раздела Руси в 1026 г. дала возможность Мстиславу развернуть большое строительство города, в том числе и кафедрального собора св. Спаса. Святослав Ярославич, по свидетельству Киево-Печерского патерика, пожертвовал на строительство Успенской церкви Печерского монастыря 100 гривен золота. Основателями монастырей и фундаторами храмов были князья Владимир, Изяслав и Всеволод Ярославичи, Владимир Мономах, Всеволод Ольгович, Святослав Всеволодович, Рю-

рик Ростиславич, Андрей Боголюбский, Ярослав Осмомысл и др.

Одним из существенных компонентов экономического развития городов явились княжеские дворы, которые были богатейшими феодальными усадьбами. В них аккумулировались доходы от обширных домениальных владений, овеществлялись в роскошных дворцах и теремах, церквах, предметах роскоши. Когда в 1068 г. восставшие киевляне принялись грабить великокняжескую резиденцию Изяслава Ярославича, там было «бесчисленное множество золота, и серебра, и кунами и скорою»²⁶. Великий князь Святослав Ярославич для достижения эффекта своей силы продемонстрировал немецким послам «бесчисленное множество золота, и серебра, и паволок». Своеобразной иллюстрацией этих летописных свидетельств явился клад дорогих ювелирных изделий из золота и серебра, найденный в 1842 г. на Старокиевской горе рядом с княжеским дворцом. По свидетельству очевидцев, он едва уместился в два мешка. В его состав входили золотые сосуды, несколько сотен золотых с перегородчатой эмалью колтов, княжеские бармы, золотые цепи и ожерелья²⁷.

О том, что представляли собой княжеские дворы в экономическом плане, достаточно конкретное представление дает летописная статья 1147 г. Ипатьевской летописи. В ней речь идет о разграблении союзниками великого киевского князя Изяслава Мстиславича двух дворов новгород-северского князя Святослава Ольговича. Один из них находился в Игоревом сельце, другой в Путивле. «Идоста на Игореве селце, идеже бяше устроилъ дворъ добръ, бѣ же ту готовизны много, въ брѣтъяничах и в поребѣ вина и медовѣ, и что тяжкого товара всякого, до железа и до мѣди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давидовича же повельста зажечи дворъ ж церкви святого Георгия, и гумно его в нем же бѣ стоговъ деветь сот»²⁸.

«И ту (в Путивле.— П. Т.) дворъ Святославль раздали на четыре части, и скотницъ, брѣтъяницъ, и товаръ иже немочно двинути и въ погребѣхъ было 500 берковъсковъ меду, и вина 80 кор-

чаг, и церковь святого Вознесения всю облупиша съсуды серебряные, а все шито золотом, и кадьльничъ двѣ, и кацыи, и евангелие ковано и книги и колоколы... и челяди семь сот»²⁹. Были захвачены также табуны лошадей, в которых насчитывалось «кобыл стадных 3000, а конь 1000».

Княж-двор Андрея Боголюбского в Боголюбове, как явствует из летописной статьи 1175 г. Лаврентьевской летописи, имел «злато и серебро, порты и паволокы, и именье ему же не бѣ числа»³⁰.

Кроме княжеских большое значение в хозяйственной жизни городов имели дворы воевод, бояр, представителей администрации. Крупнейшим средоточием земледельческой знати был Киев. Летописи упоминают более 50 боярских фамилий, имевших в столице Руси свои родовые гнезда-усады. Они располагались преимущественно в Верхнем городе (дворы Гордятин, Никифоров, Воротиславль, Чудин, Коснячков, Путятин, Глебов, Ратшин, Васильков, Бориславль), но были и в других частях города (двор Радьславль на Подоле, Олмин в Угорском). Разумеется, эти сведения о боярской знати Киева далеко не полные и не отражают истинного положения. На страницах летописи попали лишь наиболее известные и богатые бояре, сопричастные к государственно-му управлению.

Фамилии Чудина и Никифора встречаются не только на страницах летописи, но и «Правды Ярославичей». Оба они принимали участие в известном вышгородском совещании 1072 г., где разрабатывались правовые нормы древнерусского законодательства. Летопись уточняет, что в то время Чудин «держа Вышгород»³¹. Брат Чудина Микулы Туки был близок к великому князю Изяславу Ярославичу, затем служил воеводой у Всеволода Ярославича. Чудины продолжали играть видную роль в государственных делах и в XII в. Когда в 1113 г. Владимир Мономах созвал совещание в Берестове, в нем принял участие и боярин Чудин Иван, вероятно, сын Чудина Микулы.

Нет сомнения, что боярский род Чудиных, занимая столь высокое соци-

альное положение в государственной структуре, владел и значительными земельными угодьями. Не исключено, что к их числу принадлежали земли, располагавшиеся вокруг днепровских городков Чучина и Ивана, упомянутых летописью под 1151 г. Связь этих центров с родом Чудиных угадывается уже в названиях: Чучин (видимо, испорченное Чудин) и Иван. Подтверждается она и археологическими материалами. В. В. Хвойка, исследуя могильные древности у современного с. Балыко-Щучинка, выявил погребения с характерным для финно-угорских племен инвентарем. Учитывая этническое происхождение Чудиных («из Чуди»), можно предположить, что именно Чучин был центром их надела, к которому относились также земли вокруг Ивана (городище на одноименной горе в поселке Ржищев) и замка, находившегося в районе современного с. Уляники. Эти три центра располагались на расстоянии 4—5 км друг от друга и, видимо, находились в тесном административно-хозяйственном единстве. Если предположить, что им была подвластна примерно та же сельскохозяйственная округа, которая впоследствии закрепилась за поселком Ржищев, селами Балыко-Щучинка и Уляники, то окажется, что киевский боярский род Чудиных в XI—XIII вв. владел примерно 2 тыс. га земельных угодий.

Феодальный двор Чудиных в Киеве располагался в наиболее престижной княжеской части города. Он, как и соседние с ним Воротиславль, Гордятин и Никифоров дворы, занимал площадь более чем 2000 м². Конечно, здесь проживали не только семьи названных бояр, но и многочисленная челядь, вотчинные ремесленники³². К числу родовых владений киевских бояр принадлежало, по-видимому, с. Мирославское, находившееся на левом берегу Днепра, напротив Витичева. Оно могло принадлежать Мирославу Андреевичу, видному боярину великого киевского князя Всеволода Ольговича, или Мирославу Хиличу, одному из киевских бояр, отступившему от Игоря Ольговича в пользу Изяслава Мстиславича.

Крупным центром феодального зем-

длевладения выступает в летописях Чернигов. Вокруг него располагается обширный подгородный сельскохозяйственный район, обслуживающий преимущественно нужды стольного города. Летописи называют здесь такие феодальные центры, как Гюричев, Свенковичи, Гостиничи, Крирев, Семинь и др. В статье 1148 г. говорится о разорении великим князем Изяславом Мстиславичем доменных владений черниговских князей в окрестностях Чернигова и Любеча: «И пожже все села ихъ, оли и до Боловоса»³³. Из замечания летописца, что в этих селах была «вся ихъ жизнь», можно заключить о нахождении здесь таких же княжеских дворов-хозяйств, какие были разграблены годом раньше в Путивле и Игоревом сельце.

Владельцами сельских поместий были представители черниговского боярства, дружинной знати. Во время похода 1147 г. Изяслава Мстиславича на Чернигов «разграбите кияне съ Изяславом домы дружины Игоревы и Всеволожь, и села, и скоты, взята имьня много в домехъ»³⁴.

О высокой концентрации землевладельческой знати в древнерусских городах говорит летописная статья 1208 г., рассказывающая об остром социально-политическом конфликте в Галичине. Правившие там князья Игоревичи решили покончить с непокорными боярами путем физического их истребления. За короткое время было убито 500 великих бояр, другие, как свидетельствует летописец, разбежались³⁵. Если предположить, что здесь речь идет не только о галицких боярах, но и о перемышльских, звенигородских, теребовльских, боярах других центров Галичины, то и тогда число их в каждом будет значительным. Удерживая в своих руках фактически всю землю, галицкое боярство было одной из главных политических сил Галичины: «Бояре же Галичстии Данила княземъ собъ называху, а самъ всю землю держаху»³⁶.

Проблема соотношения города и земледельческой округи лучше всего изучена применительно к Новгороду. Осуществив анализ писцовых книг и актовых материалов XII—XV вв., сопо-

ставив их данные с результатами археологических исследований, В. Л. Янин убедительно показал боярско-вотчинный характер Новгорода, проследил становление вотчинной системы в Новгородской земле. Предпринятый им опыт историко-генеалогических реконструкций новгородских землевладельческих родословий имеет большое конкретно-историческое и теоретическое значение³⁷.

Многолетние археологические раскопки позволили представить не только характер или размеры феодальной усадьбы Новгорода, но и установить, что крупные боярские роды владели не одной городской усадьбой, а целым комплексом дворов, составляющим целую часть кончакской территории. Обнаруженные на них берестяные грамоты указывают на непосредственную связь новгородского боярства со своими сельскими поместьями (вотчинами).

Киев, Чернигов, Галич, Новгород — это только наиболее яркие примеры того, сколь большое место в экономической жизни городов занимало боярство. В других крупных центрах ситуация была аналогичной. Древнерусская земельная знать, проживая в городах, была тесно связана со своими поместьями (со временем — вотчинами) в деревнях.

Хозяйственная жизнь русского города не может быть понята без учета места и роли в ней церкви. Уже уставом Владимира Святославича церкви учреждалась десятая часть доходов³⁸. Со временем церковь не только не испытывала ограничений в своем юридическом праве на десятину, но и обзавелась собственными земельными угодьями. Устав Владимира среди источников материального обеспечения церкви не называет землевладения. Последующие уставы, в частности грамоты Мстислава Владимировича, Всеволода и Изяслава Мстиславичей Юрьевому и Пантелеймонову монастырям Новгорода, а также уставы Ростислава Мстиславича и Андрея Боголюбского, свидетельствуют о передаче церкви крупных земельных наделов. Согласно исследованию: В. Л. Янина, волость Ляховичи, пожалованная Всеволодом Юрьевому монас-

тырю, протянулась с севера на юг на 40 км, а с запада на восток — на 20 км, причем находилась в районе наиболее богатом плодородными почвами. Аналогичной по размерам была и волость Буец, подаренная великим киевским князем Мстиславом тому же монастырю³⁹. Достаточно ясное представление о структуре монастырского хозяйства можно составить на основании анализа письменных известий о Печерском монастыре Киева. Уже в начальный период своей истории он был крупным землевладельцем. С течением времени земельные владения Печерского монастыря постоянно увеличивались в размерах. О том, как это происходило, узнаем из летописных сообщений. В статье 1087 г. Ипатьевской летописи говорится, что князь Ярополк Изяславич перед смертью завещал «десятину от всех скоть своих святѣи Богородици, и от жита на вся лѣта»⁴⁰. Своеобразным продолжением и конкретизацией этого сообщения является статья 1158 г. В ней говорится: «...Том же лѣтъ преставися блаженная княгини Гльбовая Всесловича, дочи Ярополча Изяславича... си бо блаженная княгини велику имѣше любовь, съ княземъ своимъ, къ снятию Богородици и къ отцю Феодосью, ревнующи отцю своему Ярополку. Си бо Ярополкъ вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую и около Киева. Гльбъ же вда въ животе своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по княжи животъ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по своем животъ вда книгини 5 сел и съ челядью и все да и до повоая»⁴¹. Крупными земледельцами были киевская митрополия, епископии земель.

Практически всегда, когда речь идет об экономической основе существования древнерусской православной церкви, исследователями решается вопрос о правовом статусе передававшихся ей земельных угодий. Владела ли она ими на правах земельного собственника или же предметом княжеских и боярских пожалований была не земля, а только доходы, получаемые с нее⁴². Для выяснения структуры хозяйствен-

ного развития древнерусского города вопрос этот не столь принципиален. При любой форме поземельных отношений церкви именно она являлась собственником прибавочного продукта, создаваемого в волостях.

Крупным земельным владельцем церковь действительно стала не сразу. Поначалу, когда только складывалась ее организационная структура, церковь вполне удовлетворялась учрежденной ей десятиной с княжеских земель, однако уже в XI в. она сама становится земельным собственником. Приведенные выше свидетельства Патерика о хозяйстве Печерского монастыря, Ипатьевской летописи о даре семьи Ярополка Изяславича, как и грамот Мстислава, Всеволода и Изяслава новгородским Юрьевскому и Пантелеймонову монастырям, не оставляют сомнений в этом. Анализируя грамоты Мстислава и Всеволода, В. Л. Янин совершенно справедливо полагает, что в них зафиксированы безусловные имущественные права монастыря на основную часть доходов, связанных с владением пожалованной ему земли⁴³. Нет сомнения, что в XII—XIII вв. феодальное землевладение становится основным источником существования церкви.

В исследовании экономики того или иного феодального центра Древней Руси важным является определение размеров тянувшейся к нему земледельческой округи. К сожалению, при современном состоянии источниковедческой проработки вопроса сделать это непросто. Даже такие крупные административно-политические образования, как удельные княжества, и те не обладали юридически незыблемой территориальной стабильностью. Еще меньшей определенностью характеризовались средние и мелкие княжества. Размеры городских волостей зависели от многих факторов, прежде всего от качества земледельческих угодий и плотности заселенности. Если мы посмотрим на карту летописных городов Руси по состоянию на XII—XIII вв., то окажется, что в южном регионе они отстоят друг от друга в среднем на 20—25 км, в северо-западном и северо-восточном — на 70—80 км. При всей условности этих

данных они все же верно отражают насыщенность городами различных древнерусских земель, а следовательно, и реальную картину городских волостей.

В Древней Руси сложились три основных типа княжеских городских волостей. Первый — это земли-княжества, управлявшиеся Киевом, Черниговым, Галичем, Новгородом, Смоленском, Владимиром на Клязьме и другими удельными столицами. Экономическая консолидация последних со своими обширными сельскохозяйственными округами определилась, по существу, уже в первый период истории Древнерусского государства. В эпоху феодальной раздробленности кристаллизуются менее крупные экономические районы во главе с такими городами, как Белгород, Торческ, Теребовль, Луцк, Перемышль, Звенигород, Путивль, Курск, Муром, Переяслав-Залесский, Торжок и др. Бурный их рост в XII—XIII вв. свидетельствовал о том, что именно в них оседала теперь значительная доля земельной ренты, создаваемой сельскохозяйственными округами. Их размеры были значительными; в Южной Руси они охватывали территорию примерно 60X80 км, в других регионах были значительно большими.

В конце XII — начале XIII в. на политической карте Руси появилось множество мини-княжеств, размеры которых ограничивались одним или несколькими небольшими центрами с земельными округами. Примером такой волости может служить надел сына Мстислава Великого Владимира, полученный им в 1162 г. от киевского князя Ростислава. «Ростиславль же дасть ему Треполь, ина 4 городы придасть ему къ Трьполю»⁴⁴. Видимо, речь идет здесь о поднепровских городах Трепеле, Халепье, Витаचेво, Новгород Святополче, а также Тумаше на Стугне. Последующие летописные известия свидетельствуют, что трепольская волость по вотчинному праву перешла к сыну Владимира Мстиславу. Некоторое время в Трепеле сидел Мстислав Удалой, позднее — галицкий князь. Летопись не говорит больше о придаче к Треполю других городов. Это или само собой разумеется, или указывает на сокращение

и без того небольших размеров трепольской волости. В любом случае ее территориальные пределы не превышали 20 км вдоль Днепра и 10—15 км вдоль речек Красной и Стугны.

Аналогичными третьему типу княжеских городских волостей были, вероятно, и сельскохозяйственные округа крупных боярских городов.

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города.—М., 1956.—С. 64; Греков В. Д. Киевская Русь.—М., 1953.—С. 99—101.

² Толочко П. П. Киев и Киевская земля в XII—XIII вв.—Киев, 1980.—С. 39—46; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.—Л., 1980.—С. 220—243; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город.—М., 1983.—С. 11—14.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь.—С. 220.

⁴ Сюзюмов М. Я. Город // История Византии.—М., 1967.—Т. 2.—С. 26.

⁵ Fritze K. Eigentumsstruktur und charakter des mittelalterliche Städteburgertums // ZFG.—1974.—N 3.—S. 331—336.

⁶ Повесть временных лет.—Ч. 1.—М.; Л., 1950.—С. 42.

⁷ Миролубов М. А. Древнерусский город Изяславль: Каталог.—Л., 1983.—С. 8—10.

⁸ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.—Киев, 1980.—С. 138.

⁹ Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА.—11.—1949.—С. 48.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись.—М., 1962.—Стб. 428; Патерик Киево-Печерского монастыря.—Спб., 1911.—С. 27.

¹¹ Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли // Труды Новгородской археологической экспедиции (МИА.—1952.—С. 321).

¹² Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.—М., 1982.—С. 74.

¹³ Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли.—Одесса, 1912.—Т. 1.—С. 315.

¹⁴ Акты Юго-Западной России.—Ч. 7.—Т. 1.—№ 120.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Дополнения к третьему тому «Капитала». Т. 25.—Ч. II.—С. 473.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Генезис капиталистической земельной ренты.—С. 365.

¹⁷ ПВЛ.—С. 43.

¹⁸ Там же.—С. 24.

¹⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.—М., 1981.

²⁰ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.—М., 1969.—С. 155.

²¹ Pirenne U. Sozial und Wirtschaftsgeschichte Europas im Mittelalter.—München, 1974.—S. 164—165.

- ²² Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII вв. — М., 1954. — Ч. 1. — С. 85.
- ²³ Там же — С. 170.
- ²⁴ Татищев Р. В. История Российская. — М.: Л., 1964. — Т. 3. — С. 169—170.
- ²⁵ ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 161.
- ²⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады. — М.: Л., 1954. — С. 105—106.
- ²⁷ ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 333.
- ²⁸ Там же. — Стб. 333—334.
- ²⁹ ПСРЛ. — Т. 1. Лаврентьевская летопись. — М., 1862. — Стб. 370.
- ³⁰ ПСРЛ. — Т. 2.
- ³¹ Толочко П. П. Древний Киев. — Киев, 1983. — С. 123.
- ³² ПСРЛ. — Т. 2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ Там же. — Стб. 789.
- ³⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. — М., 1981.
- ³⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XIII вв. / Подготовил Я. Н. Шапов. — М., 1976. — С. 240.
- ³⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. — С. 238—249.
- ⁴⁰ ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 198.
- ⁴¹ Там же. — Стб. 492—493.
- ⁴² Фроянов И. Я. со ссылкой на примеры из западноевропейской истории полагает, что церковь получала земли не в полную собственность, а во временное держание с правом получения доходов.
- ⁴³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. — С. 242.
- ⁴⁴ ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 521.